

И.Е. Шишкина
(Горловка)

УДК 821.161.1

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ОСТАПА БЕНДЕРА

Традиционно считается, что проблема языковой личности была впервые поднята в работе Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [6]. Однако, как свидетельствует Е.В. Иванцова, «если обратиться к истокам употребления этого словосочетания, то почти одновременно оно появляется в 30-е гг. XX в. в работах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова» [5, с. 22]

В книге «Родной язык и формирование духа» Й.Л. Вайсгербер пишет: «Язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [3, с. 81]. В.В. Виноградов в работе «О художественной прозе», рассматривая изучение проблемы индивидуального в языке, отмечал, что И.А. Бодуэна де Куртенэ «интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [4, с. 61]. Однако, как справедливо замечает Е.В. Иванцова, «нетрудно заметить, что в обеих работах впервые введенное в научный оборот словоупотребление еще не носит строго терминологического характера; ни один из ученых не дает толкования нового понятия» [5, с. 26].

Дефиниция языковой личности дается впервые в 1980 году Г.И. Богиным, считавшим, что «языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2, с. 3]. Ю.Н. Караулов только корректирует это определение, предполагая, что языковая личность – это «совокупность (и

результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [6, с.245]. С другой стороны, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [6, с. 38].

Такая трактовка языковой личности позволила экстраполировать данное понятие из области повседневной речи в область художественного произведения, поскольку именно герой романа, повести и т.д. «выражен в языке и через язык». Более того, иной формы существования для него даже не предполагается. Художественная личность – личность, проживающая свою жизнь в слове. Как писал М.М. Бахтин, «1. Говорящий человек и его слово в романе есть предмет словесного же и художественного изображения»; «2. Говорящий человек в романе – существенно социальный человек, исторически конкретный и определенный, и его слово – социальный язык (хотя и в зачатке), а не “индивидуальный диалект”»; «3. Говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слова всегда идеологема» [1, с. 145-146].

Это, вероятно, и стало причиной того, что в русской лингвистической традиции впервые оборот «языковая личность» был применен при описании не языковой личности вообще, а именно персонажа литературного произведения – это словосочетание терминологически зафиксировано В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе». Как отмечал Ю.Н. Караулов, объектом антропоцентрически мотивированного анализа художественного текста является персонаж как специфичная языковая личность, «стоящая за текстом» [6, с. 261].

Такой подход к анализу литературного произведения отмечается в огромном количестве работ, среди которых значимое место занимают исследования Л.Н. Чурилиной, А.А. Смирновой, Т.Е. Троцинской-Степушиной, А.Ю. Богомолова и многих других.

Именно анализу языковой личности персонажа посвящено наше исследование, объектом которого является языковая личность Остапа Бендера в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» и «12 стульев».

Персонаж-языковая личность трактуется нами вслед за Ю.Н. Карауловым «как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические составляющие, т.е. опредмечивающий в речевых поступках основные стихии художественного образа» [6, с. 71].

Ю.Н. Караулов выделил три направления исследования языковой личности:

- характеристику семантико-структурного уровня ее организации;
- реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования;
- выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах создания текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов.

Мы добавим сюда еще такой аспект существования языковой личности персонажа, как формирование истории его предыдущей жизни в его же слове. Цель нашей работы – определение истории жизни Остапа Бендера, точнее, его происхождения, выраженного в произведенных им текстах.

Рассказанное о себе Остапом Бендером – фрагментарно, но все-таки может в какой-то мере представить в общих чертах историю этого героя. Нас интересует только один аспект его самоопределения, а именно – его этнический статус.

Остап Бендер определяет себя как сына турецко-подданного. Следует сказать, что именно это определение становится единственной характеристикой персонажа при первом знакомстве с ним в седьмой главе «Двенадцати стульев». При этом авторы указывают на то, что турецко-подданным называет себя сам герой: «Из своей биографии он обычно сообщал только одну подробность: "Мой папа, – говорил он, – был турецко-подданный"». Этот текст появляется сразу же

после знакомства с героем, после фразы «Звали молодого человека – Остап Бендер».

Данная самохарактеристика принимается авторами, которые в дальнейшем в тексте используют оборот «сын турецко-подданного» в качестве абсолютного синонима имени: «Сын турецко-подданного за свою жизнь переменял много занятий», «Ипполит Матвеевич хотел сказать какую-нибудь гадость и даже открыл для этой цели рот, но выдумать ничего не смог и рассерженно проследовал в свой номер. Через минуту оттуда вышел сын турецкого подданного – Остап Бендер в голубом жилете и, наступая на шнурки от своих ботинок, направился к Вострикову», «Проходя мимо двери отца Федора, мстительный сын турецкого подданного пнул ее ногой», «Чертог вдовы Грицацуевой сиял. Во главе свадебного стола сидел марьяжный король – сын турецко-подданного. Он был элегантен и пьян», «Под суровым надзором Бендера Ипполит Матвеевич терял свою физиономию и быстро растворялся в могучем интеллекте сына турецко-подданного» и т.д.

В реальности же текста «Двенадцати стульев» сам Остап Бендер называет себя сыном турецко-подданного только в 18 главе: «И меня похоронят, Киса, пышно, с оркестром, с речами, и на памятнике моем будет высечено: "Здесь лежит известный теплотехник и истребитель Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей, отец которого был турецко-подданный и умер, не оставив сыну своему Остап-Сулейману ни малейшего наследства. Мать покойного была графиней и жила нетрудовыми доходами"».

В «Золотом теленке» наоборот – указанное определение звучит только из уст героя. Это самоопределение впервые озвучено в эпизоде знакомства Бендера и Шуры Балаганова: «– У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на всем свете. Был у меня папа, турецкий подданный, да и тот давно скончался в страшных судорогах». Затем это сообщение прозвучало в диалоге с А. Корейко: «– Не оскорбляйте меня, – кротко сказал Бендер, – я сын турецко-подданного и, следовательно, потомок янычаров. Я вас не пощажу, если вы будете меня

обижать. Янычары не знают жалости ни к женщинам, ни к детям, ни к подпольным советским миллионерам». Во второй раз этот звучит в обращении к комсомолке с красным крестом на переднике во время учений гражданской обороны: «– Братцы! – бормотал великий комбинатор, в то время как его пристегивали к носилкам ремнями. – Сообщите, братцы, моему покойному папе, турецко-подданному, что любимый сын его, бывший специалист по рогам и копытам, пал смертью храбрых на поле брани». Возвращаясь в поезде с добычей от Корейко, Бендер сообщает о своем происхождении девушке-попутчице, которую перед этим испугал своим миллионом: «– Я пошутил, – забормотал он, – я трудящийся! Я дирижер симфонического оркестра!.. Я сын лейтенанта Шмидта!.. Мой папа турецко-подданный. Верьте мне!..».

Само собой разумеется, что наименование «турецко-подданный» никакого отношения к национальности героя не имеет. Если бы он был турком, авторы спокойно могли бы его назвать таковым. Следовательно, турецко-подданный – это наименование не турка, являющегося подданным Турции. Кстати, на это же указывает и сравнение Бендером самого себя с янычарами, которые, как известно, были по происхождению славянами, албанцами и т.д., то есть именно турецко-подданными. То, что авторы и сам герой избегают называть национальности, подсказывает, кем именно он был. Как отмечают многие исследователи, Бендер был сыном предприимчивого еврея, жителя Одессы, который принял турецкое подданство, то есть стал гражданином Палестины, входившей тогда в Османскую империю, для того, чтобы получить целый ряд привилегий иностранного подданного, а точнее – избавиться от жизненных ограничений для евреев в Российской империи: на места проживания, учебу, службу и т. п.

Одесским является имя героя, составленное из совокупности имен одесских национальностей – Остап (украинское), Сулейман (турецкое), Берта (немецкое), Мария (еврейское).

Кроме того, в «Золотом теленке» Бендера называют (Паниковский) Остапом Ибрагимовичем («Нет, серьезно, я очень уважаю Остапа Ибрагимовича, это такой человек!.. Даже Фунт, – вы знаете, как я уважаю Фунта, – сказал про Бендера, что это – голова»), что вероятно, является отуреченным вариантом еврейского отчества Абрамович.

Сам Бендер во время последней встречи с Зосей называет себя Бендером-Задунайским: «Бендер-Задунайский, – грубо ответил великий комбинатор, сразу сообразив, что опоздал на праздник любви и что носки с двойной пяткой – это не просто продукция какой-то кооперативной артели лжеинвалидов, а некий символ счастливого брака, узаконенного ЗАГСом. – Как! Разве вы еще и Задунайский? - весело спросила Зося. – Да, Задунайский. Ведь вы тоже уже не только Синицкая? Судя по носкам...». Задунайский, кстати, еще одно указание на «турецкость» Бендера. Напомним, в Одессе и на Украине Турция определялась в первую очередь не как территория за Черным морем, а именно, как земля «За Дунаем» (ср.: запорожец за Дунаем)

Ю.К. Щеглов указывает на три источника этого самоназвания Бендера. Во-первых, в нем намекается на суворовско-румянцевские амбиции Бендера. Напомним, что Задунайским был великий полководец, герой русско-турецкой войны Петр Александрович Румянцев-Задунайский. Русские войска под его командованием осадили и взяли штурмом турецкую крепость Бендеры в Бессарабии. «В конце романа Остап предпримет попытку пробиться через Бессарабию на Запад, т. е., в какой-то части повторить маршрут румянцевской армии. Полководческие мотивы в образе Бендера известны («я – как Суворов!»; «нам предстоят великие бои»; «взять крепость неожиданной атакой не удалось, придется начать правильную осаду»; многократные сравнения с Наполеоном, и др.)» [7]. Во-вторых, этот псевдоним связывает Бендера с провинциальными актерами с «пышными двойными фамилиями» типа Крамес-Задунайский», «Орлов-Задунайский» и т.д. Как пишет Ю.К. Щеглов, «развенчивающие Остапа упоминания о комике, о конференсье, о вранье и т. п. появляются именно в этих

главах. Можно сказать, что мажорный полководческий мотив начала романа возвращается в конце, но на сей раз с оттенком гаерства и фальши» [7]. При этом важно, что эти аллюзии наблюдаются именно в речи самого Остапа Бендера. В-третьих, фамилия Бендер-Задунайский может быть насмешкой над двойной фамилией Евгения Шмидта (Шмидт-Очаковский) – сына лейтенанта П. П. Шмидта.

Итак, в романах «бендеровского цикла» отмечается настойчивое насмешливое самоопределение Остапа Бендера как сына турецко-подданного. Это определение, свидетельствующее о происхождении Бендера из Одессы, из семьи предприимчивого еврея, создает модус героя-плута, что в дальнейшем и подтверждается событийными рядами романов. В дальнейшем нами предполагается дать развернутую семантическую характеристику главного героя «Золотого тельца» и «12 стульев» как языковой личности, то есть личности, существующей в тексте и как текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – С. 72-233.
2. Богин Г. И. Современная лингводидактика. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
3. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
5. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24-32.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

7. Щеглов Ю. К. Бендер-Задунайский. – Режим доступа : <http://benderostap.ru/bender-zadunayskiy>

Аннотация

Шишкина Илона Евгеньевна. Языковая личность Остапа Бендера

Предлагаемая статья посвящена анализу языковой личности Остапа Бендера в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» и «12 стульев». Автор приходит к выводу, что самоопределение Остапа Бендера как сына турецко-подданного, свидетельствующее о происхождении Бендера из Одессы, из семьи предприимчивого еврея, создает модус героя-плута, что в дальнейшем и подтверждается событийными рядами романов.

Ключевые слова: персонаж, сюжет, текст, художественное произведение, языковая личность.

Summary

Shishkina I. Language identity of Ostap Bender

The article is devoted to the analysis of the language personality of Ostap Bender in I. Ilf and E. Petrov's novels The Golden Calf and 12 Stools. The author comes to the conclusion that the self-determination of Ostap Bender as the son of a Turkish subject, testifying to the origin of Bender from Odessa, from the family of an enterprising Jew, creates the modus of the hero-cheat, which is further confirmed by the event series of novels.

Key words: character, plot, text, artwork, language personality.